

БЗ,З(5Кз-4Пз)
Ш 37

Общественный фонд
"Историко-географическое
общество
им. К. У. Сатпаева"

Сергей Шевченко

Очерки истории
Павлодарского
Прииртышья

часть вторая

63,3(5Каз-4Пав)

Ш 37

Сергей Шевченко

**Очерки истории
Павлодарского Прииртышья**

Часть вторая

XX век.

Павлодар* 2000-г.

ББК 84Р7-4

Ш 37

Шевченко С.

Ш 37 **Очерки истории Павлодарского Прииртышья.**

Часть II. XX век.- Павлодар; ТОО НПФ “ЭКО”, 2000 г. - 240
стр. с иллюстр.

Рецензенты:

Начальник департамента архивов области
Кандидат исторических наук

Болтина В.Д.,
Нурбаев К.Ж.

ISBN 9965-449-86-4

Настоящая книга - первый систематизированный, цельный обзор жизни нашего края в истекшем столетии. В своем прочтении прошлого автор опирался на известные исторической науке факты, обогащая их материалами, впервые вводимыми в научный оборот.

Ш 4702010204
00 (05)-00

ББК 84Р7-4

ISBN 9965-449-86-4

© Шевченко С. , 2000 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Уважаемые читатели!

Перед вами вторая часть двухтомника “Очерки истории Павлодарского Прииртышья”.

Автор предлагаемого очерка павлодарский писатель С.П. Шевченко.

Как и предыдущая, эта книга не претендует на место среди учебников по истории. Жанр очерка позволил автору уделить больше внимания тем страницам нашего прошлого, которые долгое время замалчивались или преподносились в искаженном виде, людям, чьи славные имена вычеркивались из истории, предавались забвению.

Настоящим двухтомником “Историко-географическое общество им. К.И. Сатпаева” открывает издание серии книг по истории, этнографии, природе Павлодарского Прииртышья.

Искренняя благодарность всем, кто поддержал это начинание.

Исполнительный директор общественного фонда “Историко-географическое общество имени К. И. Сатпаева”

Оралбек Кожанов

Изучая предков, узнаем самих себя; без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего живем, как и к чему должны стремиться

В. О. Ключевский

В начале века

На территории Павлодарского уезда (нынешней территории области, исключая Лебяжинский район), согласно первой переписи населения Российской империи 1897 года, проживало “всего наличного населения” 135420 человек, в том числе кочевого населения 108689 человек. В Павлодаре вместе с пригородным казачьим посёлком числилось 7730 человек.

Основным занятием коренного населения было скотоводство. С притоком в уезд в конце XIX века переселенцев дальнейшее развитие получило земледелие оседлого населения. Зачатки промышленности были представлены мыловаренными, кожевенными, кирпичными, свечными заводиками, маслобойками, ветряными мельницами (всего в уезде их было 119). Иртыш был ещё изобилён рыбой, и часть казачества занималась рыбной ловлей.

Селились казаки отдельно в станице, рабочие-речники – в части города, называвшейся Затонем, мещане - в Самарской слободе, “жатаки” - выходцы из степи, работавшие “на соли”, грузчиками у купцов - в пригородном посёлке, так и называемом в обиходе - “Жатак”.

В 1901 году в Павлодаре случился страшный пожар. При здешних ветрах деревянный город с узкими улочками, стогами сена в каждом дворе пылал огромным факелом. Выгорело две трети города.

В областном историко-краеведческом музее хранится неопубликованная рукопись Ф.Н. Заливина, представляющая большой исторический и этнографический интерес. В одной из глав рукописи есть описание этого пожара. Дом и магазин купца Дерова, сообщает автор, уцелели в море огня. Многочисленная прислуга покрыла крыши зданий огромными кошмами, которые непрерывно поливались водой. В разгар бедствия Деров, если верить автору, выставил бочку водки, которой угощали каждого, кто помогал качать насосы. Погорельцы, от имущества которых остались “угольки на само-

вар”, прослышав об этом, кинулись к дому купца помогать спасти его добро и заливать свое горе... По городу разнеслась молва, что во время пожара над домом Дерова, известного благотворительством и другими богоугодными делами, реял некий архангел, отгонявший своими крыльями подступавшее со всех сторон пламя.

Еще в начале 18 века купец Коряков с помощью местных казахов нашел озеро, пригодное для соляного промысла. Неподалеку на берегу Иртыша и был тогда заложен форпост Коряковский.

Добыча соли на Коряковском озере. 1914 г.

Соль добывали вручную, выволакивали на берег и везли на верблюдах к пристани. Здесь переваливали её на дощаники и сплавляли вниз по Иртышу до Тобольска, а по его притокам на Урал.

В 1901 году на Коряковском, Большом Таволжанском, Карасукском, Карабидаикском и Большом Калкаманском озёрах соли было добыто 4.827.694 пуда. Сбывали соль в основном в Омск, Тюмень, Тобольск, Тару, Ачинск, Томск, Семиреченскую область.

Из приложений к ежегодным “всеподданейшим” отчётам Семипалатинского военного губернатора:

“.... В 1901 году с 15 июня по 10 ноября рабочих на солепромыслах, исключительно мужчин, значилось до 1970 человек, преимущественно киргизы. Средняя плата - 5 рублей на каждую тысячу пудов. При погрузке соли в баржи подряжались обыкновенно на 1000 пудов соли 10 человек. Плата производилась от подрядчика: русским - 1 рубль, киргизам - 90 копеек, женщинам - 50 копеек, подросткам - 25-30 копеек в день.

При озёрах летних и зимних помещений для рабочих не имеется, рабочие обыкновенно помещаются в своих юртах, для служащих имеется так называемая каюта, сделанная из досок, реже деревянные дома. Жалование служащие получали: доверенный 40-50 рублей, приказчики 15-25 рублей, караульные по 10 рублей. Побегов и беспорядков рабочих не было. Больниц, медиков или фельдшеров, а также церквей и школ при озёрах нет”.

А вот взгляд, так сказать, “изнутри”. Из воспоминаний ветерана соледобычи Каирбека Уатаева: “... Таволжан - земля моих предков. Деды моих дедов, наверное, тут жили. Отец мой здесь рос. Горькая нужда заставила их добычей соли заниматься. Для степняка это разве делом считалось? Человек на соль семьёй подавался только из-за самой отчаянной бедности, когда уже всё равно было, как умирать. Босьяками нас звали. Так оно и было. 14 лет исполнилось - начал по-настоящему на озере работать. Вставали затемно. Обували самодельные из овчины чирики, натягивали такие же верблюду. Штаны у нас и рубаха рабочая - без рукавов - были из мешковины. Вот так шли на озеро. И начиналась работа. По колено, по пояс, в солёной воде. До полудня соль кололи, собирали. После обеда бугровали. Часто ночами работали, днём солнце палило. Бывало, что сутки напролёт на озере проводили. Заставляли нас? Нет, но договор не исполнишь - пеняй на себя. Поэтому люди себя не жалели. Вокруг озера в землянках тогда жили несколько казахских семей. Мужчины целый день на соли. А женщины топливо по степи искали, еду готовили, за несколько километров ежедневно к роднику хо-

дили за пресной водой. У них тоже хлопот хватало. А вернёмся мы с озера, ещё им одежду нашу надо постирать с золой, ведь она застывала, солью шуршала, снять снимешь, а попробуй опять надень такую”.

По данным за 1899 год рыболовством в уезде занималось 180 семей. Вылов белой рыбы за год составил 19.253 пуда, красной - 1060 пудов. В 1901 году рыболовством занималось уже 788 семей, но улов при этом оказался почему - то значительно меньшим: 4097 пудов белой рыбы и 147 пудов красной рыбы.

В 1902 году уже 812 семей промышляли рыболовством, выловлено ими 16.970 пудов белой и 513 пудов красной рыбы.

Извозом в 1901 году занимались 534 семьи, в т.ч. 397 казахских, в 1902 году - 644 семьи, в том числе 388 казахских.

В нескольких августовских номерах за 1900 год “Семипалатинские ведомости” публиковали экономический очерк Н.Я. Кони́на, отбывавшего ссылку в Семипалатинске. Вот что можно узнать из очерка об экономике и быте поселка Григорьевский Павлодарского уезда.

“... Своей пахотной земли у григорьевцев нет, и они, по их словам, издавна, без всякой платы, имели пашни в соседней Уруковской волости. Так продолжалось до конца 80-х годов, когда киргизы стали мешать, требуя за распашку денег. Несколько лет тянулся спор, но в конце концов григорьевцы признали себя неправыми и в 1891 году заключили на 12 лет условия с теми киргизами, которые предъявляли права на распаханную казаками землю как на свое зимовое стойбище. По этому условию григорьевцы получили право распахивать 150 десятин, а киргизам представлено право иметь бесплатно зимовки на юрте и, кроме того, уступлено тоже бесплатно, покосное урочище Эстемыш...”

На один двор в поселке приходится 7,9 лошадей, 11 голов крупного рогатого и 13,6 мелкого скота...

Из подсобных промыслов в бюджете григорьевцев главное значение имеют рыболовство и извозный промысел... Извозный промысел заключается главным образом в перевозке соли с Коряковского озера до Черноярской пристани на Иртыше. Плата 13-20 р. с тысячи пудов.

Зажиточный казак М. П. Носонов... скупает скот у киргиз и перепродает его или в Павлодаре или в поселке Пресном крупному скотопромышленнику Сорокину. Обыкновенно киргизы берут деньги за скот вперед с условием доставить годового теленка или ягненка... Для подобной купли у казахов существуют особые термины: “задавать деньги в (под) телят, баранов” и пр.

Казахский аул в начале века.

“... В Григорьевском поселке летом 1899 года жило 14 хозяйств (12 кибиток) киргиз-джатаков... Во всех кибитках было 35 душ м.п. и 30 ж.п., всего 65 человек. По-русски умеют говорить трое мужчин, грамотных (по-киргизски) четверо мужчин. Четыре семьи не могли точно определить время своего пребывания в поселке, говорят, что живут здесь “издавна”, лет за пятьдесят, остальные поселились в последние двадцать лет назад. Ни одно хозяйство своих зимовок в поселке не имеет, а все нанимают на дворах у казаков лачужки с платой от 2 до 4 рублей в год. Плата эта некоторыми семьями отрабатывается, зимой или летом, смотря по уговору;

юрты есть у всех: летом они ставятся около поселка... Посевы есть у одиннадцати хозяйств. Численность скота: лошадей 26, жеребят 4, коров 32, телят 36.

На правобережном юрте Григорьевского поселка зимует 15 аулов, кстау (зимовка) которых расположены одно от другого в 2-2,5 верстах от поселка, у Иртыша и его притоков.”

Далее дается подробная характеристика каждого аула: число кибиток, душ, куда кочуют, занимается ли земледелием, сколько скота и т.д.

“В ауле Бырубая Кенева - 6 кибиток, 43 души, юрты у всех, у некоторых по две, кочует к озеру Бидаик, в 9 верстах от пашни аула; после работ на жайляу в Алкасор (20 верст) и Джабагайла (еще 7 верст); к уборке - снова на Бидаик, в ноябре - возвращение на зимовку.

Посевы: 11 десятин пшеницы и 1 десятина овса. Имеется 3 сохи.

Скота: 80 лошадей, 11 жеребят, 44 головы крупного рогатого скота, 190 овец и коз... Зимой скот кормится сеном и пасется по скошенным лугам...”

С середины XIX века на Иртыше стало развиваться судоходство. Первый пароход за Коряковской солью пришёл в Павлодар в 1860 году - пароход “Ура” с мощностью паровой машины в 20 лошадиных сил.

Позднее было организовано “Товарищество Западно-Сибирского пароходства”, суда которого ходили вниз по Иртышу и вверх до озера Зайсан.

В конце девятнадцатого века местом для стоянки и ремонта судов судовладельцы избрали проточный рукав Иртыша - Усолку.

В 1899 году здесь были основаны кустарные мастерские с несколькими станками и примитивной литейкой. Постоянно работало в них всего 10 человек. С остановкой пароходов на зимовку число работников увеличивалось до 70 человек за счёт судовых команд.

Жили рабочие в бараках с двухъярусными нарами, построенными тут же на берегу.

По сведениям Министерства путей сообщения, в 1899-

1900 годах в бассейне Оби-Иртыша плавало 132 судна, из них 6 пассажирских, 4 товарно-пассажирских, 58 буксиров, 40 товарно-специализированных, 20 служебных. В судовых командах служило 2842 человека. По Иртышу за парходами на буксире ходили непаровые суда-баржи, паузки, баркасы, гусянки, лодки. Перевозка людей через Иртыш осуществлялась паронами.

В начале нового века судоремонтные мастерские стали самым крупным промышленным предприятием Павлодара. В 1905 году здесь состоялась забастовка, которую возглавили лоцман Пахомов, механик пархода Теплов, рабочий Кузнецов, ссыльный матрос Колеватов.

В 1891 году началась постройка Великого Сибирского рельсового пути.

В разгар строительства на трассе работало до 90 тысяч человек. Строилась дорога удивительно быстро. В августе 1894 года уже было открыто временное движение на отрезке дороги Челябинск-Омск (около тысячи километров), что ускорило оборот капиталов, создавало благоприятные условия для расширения торговли, включения местных рынков в систему всероссийского рынка, способствовало развитию производительных сил громадного региона, в том числе той части среднего Прииртышья, которая относилась к Павлодарскому уезду.

Именно усиление спроса на уголь для "чугунки" послужило катализатором промышленного освоения Экибастузского угольного месторождения. К тому же в металлургической промышленности Урала назревал кризис - его собственные угольные запасы исчерпывались. Экибастуз с его относительной близостью к Уралу и возможностью транспорта угля по Иртышу оказался как нельзя более кстати.

Казахи, круглый год выпасавшие в степи отары овец и табуны коней, знавшие каждый холм и ложину, озеро и ручей, при наблюдательности и памяти, свойственным людям, близко стоящим к природе, издавна знали о присутствии в этих местах горючего камня.

Но несомненно, что найти собственно месторождение и

заявить его должен был человек, искушенный в рудознательстве. Таковым оказался Косум Пшембаев (1844-1932). Знания и навыки рудознательства он перенял у Бухара Ташимова, работавшего многие годы на известных в казахской степи в прошлом веке томских золотопромышленников.

Имя Косума народ увековечил на его родине в Баянауле в названиях ряда мест - "Косумовская балка", "Косумов грот", "Косумов камень". В настоящее время известно более двадцати месторождений полезных ископаемых, заявленных Косумом Пшембаевым.

Исследования горных инженеров А.К.Мейстера, А.Э.Страуса, де Кателена и других подтвердили благонадёжность месторождения.

Павлодарский купец первой гильдии Артемий Деров попытался привлечь к освоению недр Экибастуза иностранный капитал. Газета "Степной край" от 14 октября 1897 года оставила такое свидетельство о том, как проходили первые контакты Павлодара с Западной Европой:

"Павлодар. Вот уже целый месяц прошел с того времени, как мы принимали иностранных гостей, а до сих пор ещё главной темой разговора служит событие в нашем городе, создавшее праздничное настроение, пробудившее различные мечтания, наполнившее сердца наших обывателей смутными надеждами на то недалёкое, теперь уже верное будущее, открывающее не для одних только избранных различные заманчивые перспективы.

Событие это - продажа именитым гражданином нашего города А.И.Деровым своих рудников в Каркаралинском и Павлодарском уездах французской компании, представители которой приехали чуть ли не из самого Парижа.

Встреча эта заграничных гостей сопровождалась таким торжеством, на какое только способен Павлодар. Депутации, хлеб-соль и тысячеголосое "Ура!" народа, шпалерами стоявшего на берегу Иртыша. И какое искреннее было это "Ура!" В нем звучали струнки восторга, удивления, преклонения перед тем "кумиром священным", о котором пел Мефистофель в своей песне в погребке...

Наш город, известный до сих пор, кажется, одними толь-

ко арбузами да солью, вдруг делается чуть ли не центром обширной горнозаводской промышленности. Говорят, что богатства, открытые господином Деровым в недрах земли, неисчислимы и что французские гости, потирая руки от удовольствия, заявляли, что даже из-за одной десятой того, что они видели здесь, стоило бы начинать дело, а видели они далеко не всё.

Работы, по слухам, начнутся в самом непродолжительном времени.

В нескольких верстах от Павлодара, вверх по течению Иртыша, будет заложена пристань, с которой узкоколейная железная дорога, протяжением сотню вёрст, будет подвозить каменный уголь, поставку которого на Сибирскую дорогу уже получила Французская компания. Кроме разработки каменного угля, будет производиться выплавка чугуна из богатейшей железной руды - "лучше, чем на горе Благодати", говорил нам один знаток. Далее, может быть, займутся медью, которая находится здесь почти в чистом виде, говорят, что из пуда руды выходит 38 фунтов меди! А там ещё и серебро-свинцовая руда, также очень богатая....

Словом, действительно богатейшие недра и нет ничего удивительного, что Павлодар повторит историю Екатеринослава, который за десяток лет из незначительного городка вырос в большой город с трамваями, электрическим освещением и заводскими трубами, а господин Деров сыграет в своём родном городе роль А.Н.Поля, давшего толчок эксплуатации горных богатств в Донецких горах.

Мудрено ли, что павлодарские обыватели только и толкуют о продаже Деровым своих рудников, и что перед ними и во сне, и наяву будущее величие города: заводы, пароходы, железные дороги, электричество и рубли, рубли, рубли..."

В начале 1899 года был утверждён Устав Воскресенского горнопромышленного общества, закончено строительство ширококолейной железной дороги от Экибастуза к Иртышу (пристань Воскресенская) протяженностью 116 километров. Сооружение дороги в столь короткий срок объясняется благоприятными условиями местности (плоская степь без рек,

ручьёв, оврагов) и исключительной дешёвизной рабочей силы. На тяжёлый изнурительный труд за ничтожную плату охотно шли как беднейшее коренное население, так и переселенцы, вконец обнищавшие и ещё не “уцепившиеся” за землю в новых местах.

Паровозы были доставлены в Экибастуз из США через Ревель, до Омска по железной дороге, из Омска до Воскресенской пристани на баржах по Иртышу. Заметим также, что от пристани до Экибастуза была проведена телефонная связь.

Для своего времени и местоположения Воскресенская железная дорога была “первой ласточкой” индустриализации.

Открытая разработка администрацией Воскресенского горнопромышленного общества была признана неподходящей к характеру месторождения, в связи с чем было заложено несколько шахт: Владимировская, Мариновская, Ольгинская; и другие.

Н.Я.Коншин в очерке “От Павлодара до Каркаралинска” так описал эти шахты:

“Ново-Владимировская шахта разрабатывается вглубь на 18 сажень (около 40 метров). Вниз ведёт 6 деревянных лестниц, с площадками через каждые 2 сажени. Пространство под землёй прорезано коридорами по длине (штреки) и поперек угольного пласта (орты). Самый длинный коридор простирается на 80 сажень. Уголь добывается ломами, клиньями и др. Заведующий шахтой предложил мне спуститься вниз. Мы взяли лампочки (бленды), подошли к четырехугольному отверстию, где с непривычки я не мог ничего рассмотреть. Наконец, мне удалось найти лестницу, и, держа одной рукой лампочку, я стал спускаться куда-то вниз. Через каждые две сажени, как я сказал, устроена площадка, где опять нужно спускаться в новое отверстие и т.д. На полу проложены рельсы, по ним рабочие возят вагончики с вырубленным углём. Воздух сырой, но дышать, как мне казалось, в коридорах нетрудно. Гораздо сырее в самом низу, где для стока воды устроены колодцы, откуда она выкачивается посредством парового насоса.

...Шахтные рабочие делятся на дневных и ночных. Пер-

вые работают с 6 часов утра до 6 часов вечера, вторые остальное время.

Неприятное впечатление оставил во мне на Ново-Владимирской шахте только осмотр зданий, где помещаются рабочие. Здания эти - или маленькие землянки с отдельными помещениями для каждой семьи, или большие казармы сырцового кирпича, из которых каждая делится на несколько квартир для общего помещения нескольких семей. В каждой квартире большие печи и два ряда нар. Даже в летний солнечный день в таких квартирах казалось темновато, и было, очевидно, мало воздуха”.

Он же замечает, что рабочими высших разрядов были русские и татары с Урала, чернорабочими преимущественно казахи.

Освоение нового угольного месторождения с живейшим интересом было воспринято промышленниками Урала. Свидетельство тому - брошюра “Экибастузский угольный бассейн”, изданная в 1899 году в Екатеринбурге. В ней, в частности, отмечалось:

“Громаднейшие залежи и правильное напластование угля, легкость в добыче ставят Экибастузский бассейн в наивыгоднейшие условия по сбыту угля и кокса. С экибастузским углем не может конкурировать на уральском рынке ни кольчугинский, ни судженский уголь. Главное преимущество - Экибастузский угольный бассейн соединен непрерывным водным путем с северной частью Урала (Иртыш-Тавда-Сосьва и Иртыш-Тура) и водно-железнодорожным - с центром и югом Уральского хребта”.

Экибастузский уголь, предсказал автор брошюры, “произведет громадный переворот в горно-заводской промышленности Урала и послужит скорейшему развитию металлургического дела вообще”.

В брошюре приводятся и такие деликатные подробности. “Устав общества утвержден и в самом непродолжительном времени, по распубликованию его, ожидается общее собрание акционеров. Капитал общества собран. Участие в деле Киевских богачей Лазаря и Льва Бродских дало повод неко-

торым считать это дело переходящим в руки евреев. Ничего подобного в действительности нет. Учредитель общества А.И.Деров сохраняет в своих руках половину всех акций на 1,5 миллиона рублей. Кроме господина Дерова учредителей ещё свыше 30 человек, принадлежащих к числу христиан. Участие евреев в этом деле по количеству их акций не превышает одной третьей капитала. Необходимо при этом заметить, что организация дела и управление копиями и рудниками будет находиться всецело в руках русских православного исповедания...”

Как всегда, у медали была и другая сторона. Именно Экибастуз первым в крае ощутил последствия экономического кризиса, разразившегося в мире на рубеже веков. В России за три года закрылось до трёх тысяч заводов и фабрик. Безработные, нередко с семьями, ринулись искать счастья на окраинах империи. В Экибастузе скопилось до пяти тысяч человек в надежде получить хоть какую-нибудь работу.

Между тем, предприятие уже ощущало “подземные толчки” грядущего краха, производство начинало свёртываться, заработная плата выплачивалась с задержками. В июле 1900 года 63 рабочих, доведённых до отчаяния, объявили забастовку. В Экибастуз выезжал вице-губернатор области, не сумевший умиротворить бастующих. Забастовщиков привлекли к судебной ответственности.

К 1903 году положение в копиях стало катастрофическим. Рабочие, более десяти месяцев не получавшие зарплату, забастовали, предъявив ультиматум: если в недельный срок их не рассчитают, шахты будут затоплены.

Не последнюю роль в возбуждении недовольства рабочих своим положением играли изнурительность ручного труда на подземных работах, 12-ти часовой рабочий день, частые завалы в забоях с человеческими жертвами, тяжелейшие жилищные условия в сырых земляных бараках.

Центром революционных событий в крае в 1905-907 годах стали Омск, Семипалатинск. На волне революционного подъёма в Семипалатинске выходили газеты “Семипалатинский листок”, “Трудовая жизнь”, “Прииртышский край”, “Семипалатинская жизнь” (запрещенные после поражения революции).

29 декабря 1905 года “Семипалатинский листок” сообщает: “г.Павлодар. 18 декабря состоялся митинг служащих и рабочих пароходов Западно-Сибирского товарищества, Плотниковых, Вардропера и Корниловых.

Рассмотрены были следующие вопросы:

1) Об образовании капитала для выдачи служащим и рабочим, прослужившим известное число лет, пенсии и пособия во время болезни или какого-либо несчастного случая, лишившего временно возможности продолжать службу.

2) Об учреждении специального технического и речного училища.

3) Об уничтожении произвола пароходоладельцев и судовладельцев по рекам Западной Сибири в увольнении от службы служащих и рабочих.

4) О медицинской помощи служащим и рабочим.

5) Об увеличении жалования служащим и рабочим.

6) Об отпусках служащим и рабочим.

Выбран комитет из четырёх лиц: г.г.Волкова, Колеватова, Бенхена и Горбунова, которым поручено снестись со всеми служащими и рабочими на пароходах по рекам Западной Сибири для совместного обсуждения выработанных по этой программе требований к пароходоладельцам и составления общего союза”.

* * *

Вызревали и другие социальные противоречия. Частная собственность на землю в Казахстане юридически не была закреплена. Царское правительство “все земли, занимаемые кочевьями, и все принадлежности сих земель, в том числе и леса” объявило государственной собственностью.

Лучшими землями без учёта традиционных маршрутов кочёвок наделялось прежде всего казачество. К началу XX века этому привилегированному сословию принадлежало в Казахстане 15,6 миллиона гектаров земли.

Год за годом кочевое население лишалось лучших пастбищ, сенокосных угодий, водоёмов. Десятивёрстная полоса вдоль Иртыша с роскошными лугами и рыбным изобилием

была отчуждена в полное владение сибирского казачества с запрещением казахам в этой полосе селиться, пасти скот, заготавливать корма, заниматься рыболовством. Казахские шаруа вынуждены были прибегать к аренде пастбищ и сенокосов у собственных баев, казачества и переселенцев.

Поток переселенцев особенно усилился в первое десятилетие нового века - годы столыпинской аграрной реформы.

За десятилетие 1896-1905 г.г. в степные области Казахстана прибыло около трехсот тысяч человек, а за пять последующих - почти 800 тысяч человек.

На переселенческих пунктах по линии железной дороги скапливались десятки тысяч переселенцев и "обратников" (т.е. лиц, которые не смогли устроиться на отведенных участках и пробирались обратно на родину). В холод и дождь они вынуждены были валяться на сырой земле. А о том, как было поставлено медицинское обслуживание переселенцев, свидетельствует докладная записка врача Петропавловского врачебного пункта Пискановой от 18 апреля 1908 года. Из докладной явствует, что приём рожениц и больных дифтеритом, сыпным тифом, оспой, скарлатиной и другими инфекционными болезнями производился в одной лабораторной комнате; при врачебном пункте не было бани, не хватало умывальников, халатов, не говоря уже о медикаментах.

Губернатор Степного края (уездом которого являлась нынешняя территория Павлодарской области) доносил царю, что крестьяне-переселенцы живут "в тесных, сырых и холодных жилищах и несут страшные лишения... Переселенцы делают землянки, скорее похожие на ямы, чем человеческое жильё. На этой почве и в связи с недоеданием развиваются разного рода заболевания, уносящие немало жертв, особенно велика смертность среди детей".

Сами горемыки-переселенцы поневоле оказывались виновниками новых бед для коренного населения.

В июне 1907 года в городе Петропавловске Акмолинской области стала выходить общественно-политическая и литературная газета "Степная жизнь". Вот что писалось в номере этой газеты от 5 июля:

“Текущая весна принесла много тревог окрестному киргизскому населению, тревог очень серьёзных, касающихся самых близких интересов кочевников.

Как ни заманчива для киргиз весенняя степная природа, как ни жадно они стремятся отправиться с пробуждением природы от зимнего сна на джайляу, но с осуществлением этой привычной мечты им пришлось нынешней весной повременить. Всё более и более прибывающие массы переселенцев из разных местностей Европейской России, ещё не успевших прочно осесть на участках и расселившихся в огромном количестве в окрестных сёлах и деревнях, заставили киргиз с тревогой следить за этим явлением, хорошо им знакомым и не предвещающим, во всяком случае, ничего хорошего для кочевника.

К пасхе выяснилось, что около 800 семей из окрестных селений собираются с наступлением весны, как только киргизы откочуют, занять урочище Даниеровой мечети и озера Джилымдыкуль. С понятным для всякого раздражением киргизы оставили мысль о кочёвке, решив охранять свои земли от вторжения непрошенных гостей. В Петропавловск от баула поскакал Рамазан Дженабаев донести уездной администрации о возможном побоище.

...Чем все это кончится? Будут ли пущены в дело казацкие нагайки... пойдёт ли в ход мужицкое дрекольё, батики, суюлы киргиз, уладится ли (сверх всякого ожидания) все это мирным путём, но перед нами крайне серьёзное явление. Грозный смысл его станет ещё более ясен, когда мы примем во внимание, что массы переселенцев, которым ещё не отведено земли, всё прибывают и прибывают. В настоящее время наплыв этот выражается в солидную цифру - тысяч в 20-25”.

Порой случались рукопашные схватки кочевников с пришлыми, бывали случаи угона у них скота. Тут удивляться нечему: казахи считали себя ущемлёнными в правах на своей земле, переселенцы полагали себя под защитой закона и самого царя.

Удивительно другое: миролюбие и долготерпение обеих сторон. Вопреки колонизаторским устремлениям властей и сословным интересам казачества казахи и переселенцы на-

Джугт 1914 года.

ходили пути сближения. Широкое распространение получило так называемое тамырство.

Казаха-степняка и русского или украинского мужика-земледельца сводила взаимная нужда, потребность в товарообмене. Завязавшиеся при этом знакомства перерастали в дружбу на основе безусловного уважения обычаев, религии друг друга, готовности прийти в необходимых случаях на выручку друг другу. Поучительная деталь: тамырство крепилось ещё и тем, что казахи усваивали русский, русские - казахский языки.

Так, на уровне самих народов вырабатывались те сходные ориентации у населения Казахстана, которые можно считать базовыми для атмосферы межнационального согласия и межконфессиональной терпимости, определяющими лицо нашей Республики на пороге нового века, нового тысячелетия.

Нарезка переселенческих участков в Павлодарском уезде была закончена в 1905 году. В 1906-07 годах началось сплошное заселение участков, были образованы русские, немецкие и другие крестьянские села.

Утрата простора для кочевого скотоводства усиливала стремление коренного населения к оседлому образу жизни. По определению Акмолинокой областной администрации, в Петропавловском, Омском, Кокчетавском уездах близкие к оседлости составляли в начале века от половины до двух третей всего казахского населения.

Заметно менялись жизнь и быт в казахских аулах.

В книге Г.Е.Катанаева "Прииртышские казаки и киргизы в их домашней хозяйственной обстановке" приведены такие данные о состоятельности казахского хозяйства среднего достатка Аккульской волости Семипалатинского уезда:

Семья состоит из 8 человек, включая хозяина 60 лет, хозяйку 56 лет, дочь 20 лет, сына 14 лет, другого сына 30 лет, его жену (сноху хозяев) 26 лет, детей последних (внуков хозяев) 4 лет и 9 месяцев.

Их имущество:

- два жилых дома, чулан, юрта летняя, скотные дворы - 7 сооружений стоимостью в 87 рублей.

- предметы домашнего обихода (кровати, столы, постели и т.д.) - 40 предметов ценой в 63,95 рубля.

- утварь и посуда - 55 предметов стоимостью в 34,20 рубля; хозяйственный инвентарь - 74 предмета стоимостью 67,24 руб.

-домашние животные - 173 головы на сумму 770,50 рубля. В числе животных 14 лошадей рабочего возраста, 2 быка, 2 верблюда, 4 дойные коровы, 127 овец и коз, а также молодняк (жеребята, телята, козлята, ягнята).

Вся семья располагает 445 объектами хозяйственного и домашнего обихода общей стоимостью в 1269,48 рубля. Для сравнения укажем: среднезажиточная по экономическому положению казачья семья такого же состава по своей численности располагает 234 объектами хозяйства - от построек и домашних животных до белья и полотенец - стоимостью 1825,75 рубля.

Как видим, жизнь и быт вчерашнего кочевника практически мало чем отличаются от казачьего хозяйства.

Негативные последствия переселения сказались в том, что существенно изменился национальный состав края в сторону значительного уменьшения удельного веса коренного населения.

Лишённые своих земель, многие из казахов были вынуждены искать заработок в казачьих станицах, крестьянских поселениях, на рудниках, солепромыслах. Но такую работу удавалось найти не всем, не имеющие скота казахи впадали в безысходную нищету.

Из особой записки, приложенной Павлодарским уездным начальником Н.А.Михайловым к своду статистических данных по этому уезду за 1895 год: "Благосостояние в массе киргиз распространяется крайне неравномерно. Рядом с людьми, имеющими тысячные табуны рогатого скота, есть много бедняков, у которых не только нет скота, но даже одежды и жилища. Летом, когда все, имеющие возможность кочевать, уходят на жейляу, в укромных уголках, около зимовок, ютятся целые аулы жатаков. Аулы эти поражают убожеством людей и жилищ. Пригородные, в сравнении с ними, богачи.

Жилища аульных жатаков построены из обломков деревянных частей юрты и прикрыты прокопченными дырявыми кусками войлока. Население этих шалашей - дряхлые старики, калеки, женщины и дети. Все они грязны, в рубищах или совершенно голы. Эта нищая братия ночью зябнет в своих дырявых жилищах, а днём греется на солнце, окруженная голодными, как волки, собаками. Питается это население какой-нибудь жидкой похлёбкой, приготовленной из муки и курта от 3-4 коров, оставленных из сострадания богачами, но взявшими в свои табуны работников из семей этих жатаков”.

* * *

В упоминавшихся выше путевых очерках “От Павлодара до Каркаралинска” Н.Я.Коншин так охарактеризовал Павлодар:

“Представьте, читатель, лишенную всякой растительности равнину с желтовато-глинистой почвой; такие же крутые, а местами и совсем отвесные берега Иртыша; несколько улиц с деревянными домиками, среди которых каменное здание тюрьмы выглядело настоящим дворцом - таков был Павлодар десять лет тому назад. Конечно, жалкая природа и теперь осталась такой же, но самый город за последние десять лет очень разросся, обстроился, и теперь Павлодар - один из лучших городов в Семипалатинской области, с блестящим будущим, как уверены сами павлодарцы.

Павлодар лежит на том пункте Иртыша, до которого пароходное сообщение с низовыми городами продолжается круглое лето; выше Иртыш сильно мелеет, и каждый почти год в течение двух-трех недель, а то и больше, пароходы не могут подыматься дальше Павлодара или, в лучшем случае, Семиарской станицы (в 182 1/2 версте от Павлодара). Бывает и гораздо хуже: например, в 1900 году в Иртыше было так мало воды, что пароходное движение выше Павлодара возможно было только в начале лета, а дальше шло урывками, с постоянным риском посадить пароход на мель. Благодаря этому Павлодар сделался одной из важных пристаней на Иртыше: сюда, сверху, торопятся заблаговременно перевезти свои то-